

I. Из истории славяноведения

Л.П. Лаптева

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Петербургский съезд русских филологов и историков-славистов в 1903 г.

Abstract:

Lapteva L.P. *1903 St. Petersburg Congress of Russian Specialists in Slavic Philology and History.*

The article describes the workings of the Preliminary Congress of Russian Specialists in Slavic Philology and History that took place in St. Petersburg in 1903. The goal of the forum was to prepare an international congress of Slavists, scheduled for 1904. However, it did not take place because of the beginning of Russo-Japanese War and political developments in Russia in 1905-1906.

Ключевые слова: Предварительный съезд русских филологов-славистов 1903 г., славяноведение, межславянские отношения, славянская энциклопедия, славянские языки, славянские древности.

В апреле 1903 г. в Петербурге состоялся съезд славистов, который в документации назывался «Предварительным съездом русских филологов-славистов», но в некоторых печатных изданиях этот форум именуется «Съездом русских филологов-славистов», «Съездом русских филологов и историков-славистов». В сущности мероприятие было задумано как подготовительное, предварительное, с целью обсудить вопрос о международном съезде славистов, проведение которого планировалось на 1904 г. Таким образом, съезд 1903 г. должен именоваться так, как указано в его документации, т.е. «Предварительным».

Съезд вызвал широкий общественный отклик. О нём писали центральные и провинциальные русские газеты, такие как «С.-Петербургские ведомости»¹, «Новое время»², «Биржевые ведомости»³, «Южное обозрение» (Одесса)⁴, «Бессарабец» (Кишинёв)⁵ и др. На это событие обратили внимание некоторые немецкие газеты⁶, но подробные сведения о ходе, дискуссиях и прениях съезда излагались в журналах, которые были ориентированы на славистическую тематику. К ним относятся «Славянский век»⁷, выходивший в Вене на русском языке, «Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества»⁸ (ИССБО), «Киевская старина»⁹, «Литературный вестник»¹⁰, «Русский филологический вестник»¹¹, «Русская мысль»¹², «Русский вестник»¹³, «Вестник Европы»¹⁴ и др. Во всех изданиях главное место было отведено информации, но появились и аналитические статьи, оценивавшие значение Съезда и перспективы дальнейшего развития русско-

го славяноведения. К таким работам можно отнести статью Ю. Яворского «Съезд русских славяноведов в Петербурге»¹⁵, В.Н.Кораблёва «Съезд русских славистов»¹⁶ и некоторые другие.

Следует заметить, что с фактической стороны сведения о съезде, опубликованные не только в научных журналах, но и в прессе, обладают высокой степенью достоверности, что подтверждается сравнением этих данных с протоколами съезда, получившими наименование «Бюллетеней».

Бурные события, происходившие в России, да и у зарубежных славян, в первой половине XX в., отодвинули на задний план не только интерес к съезду, но и ко всему российскому славяноведению, пришедшему в упадок после Октябрьской революции 1917 г. В советское время, после Великой Отечественной войны, о съезде славистов 1903 г. писали В.Р.Свирская и А.Н. Горяинов. Две из трёх статей В.Р. Свирской (1946 и 1948 гг.) почти идентичны, отличаются краткостью и не освещают детально вопросы, затронутые съездом¹⁷. Третья её статья (1949 г.) рассматривает специальную тему – об отношении съезда к украинскому языку¹⁸. Работы А.Н. Горяинова касаются в основном обсуждения вопросов славянской библиографии¹⁹. В 80-е годы XX в. о съезде 1903 г. была опубликована статья автора этих строк²⁰. Несколько изменённый и исправленный текст этой работы был включён в монографию «История славяноведения в России в конце XIX – первой четверти XX вв.»²¹.

Между тем Петербургский съезд русских филологов и историков-славистов в 1903 г. был крупным научным событием. Настоящая статья написана на основе протоколов съезда, составлявшихся в ходе заседаний и объединённых в Бюллетени, которые по окончании съезда были опубликованы²². В статье использован их первоначальный (архивный) вариант без сокращений, сделанных при подготовке к печати. Оба варианта хранятся в Петербургском филиале Архива Российской Академии наук (ПФАРАН). Опубликованный вариант имеется в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (НИОР РГБ) в Москве. Наряду с Бюллетенями в статье широко привлечена переписка организационного комитета съезда с учреждениями, научными организациями и отдельными лицами по вопросу организации съезда и участия в нём русских славистов.

В истории межславянских отношений съезды представителей славян проходили и раньше. Так, в период революции в Европе в 1848 г. австрийские славяне организовали съезд в Праге для решения дальнейшей судьбы своих народов. Съезд имел чисто политический характер и, между прочим, явился серьёзным ударом по теории так наз. «славянской взаимности», которую разделяли в разных вариантах представители славянских народов

Австрийской монархии. Последние не сумели найти решения ни по одному из актуальных вопросов их жизни, и съезд закончился безрезультатно. Вторая попытка как-то объединить славянские народы, или во всяком случае познакомить деятелей славянской национальной жизни с Россией и друг с другом, была предпринята в 1867 г. в связи с проведением в Москве Этнографической выставки²³.

На выставку приехало много славян из Австрии, которые имели политический вес у себя дома. Современная пресса и последующие исторические работы расценивали приезд в Россию представителей чешской делегации (37 чел.) во главе с Ф. Палацким, как политический демарш против установления австро-венгерского дуализма с целью добиться определённых уступок от австрийского правительства. И хотя на этом мероприятии не было официальных заседаний, в речах во время «дружеских» встреч в университете, учёных обществах были видны глубокие противоречия между зарубежными славянскими деятелями и русскими славянофилами по решению славянского вопроса.

Совершенно иной характер имел съезд русских славистов в 1903 г. Его задача определялась состоянием науки о славянах, при этом подчёркивалось полное отрицание политического компонента в решении научных вопросов.

Идея созыва съезда славянских филологов и историков на рубеже столетий была не случайной. К этому времени европейское славноведение достигло значительных успехов по сравнению, например, с 70-ми годами XIX в. В главных центрах зарубежных славян – Праге, Львове, Кракове, Загребе, Белграде, Любляне, Сараево, Софии, а также в Вене интенсивно разрабатывались проблемы диалектологии, этнографии и истории славянских народов. Заметны были и успехи русского славяноведения практически во всех его областях. Кроме того, к концу XIX столетия русское славяноведение получило объединяющий центр в рамках второго отделения РАН – в Отделении русского языка и словесности (ОРЯС). С 90-х годов это отделение пополнилось крупными учёными – А.А. Шахматовым, А.И. Соболевским и др., в том числе славистами А.Н. Пыпиным, В.И. Ламанским, которые вместе с И.В. Ягичем составили сильную группу учёных-славистов. ОРЯС помогал всем славистам в их деятельности: предоставляло начинающим учёным средства для заграничных поездок, печатало их труды в своих изданиях или выделяло средства для публикации в других органах, многим учёным и изданиям предоставляло субсидии. В виду того что славяноведением в России занимались почти исключительно университетские профессора, то ОРЯС поддерживало и их научную деятельность. Таким образом, Академия наук в Петербурге (точнее – её второе отделение) решала такие вопросы, которые были не под силу другим славянским академиям. Она имела в сво-

их рядах много крупных учёных и становилась центром объединения научных сил и исследований по славяноведению. ОРЯС издавало печатный орган – «Известия ОРЯС», привлекая свежие материалы, а также субсидировало славянских учёных: поддерживало журнал чешского ученого Л. Нидерле²⁴, издавало труды словинского учёного Ф. Лоренца, давало средства на диалектологические экспедиции словенцу М. Мурку²⁵ и т.д. И.В. Ягич писал А.А. Шахматову, что на II отделение падают все вопросы общеславянские, непосильные академиям славянских стран²⁶.

Таким образом, славяноведение в целом и в России, в частности, развивалось весьма интенсивно. С другой стороны, молодой ещё науке о славянстве не хватало координации, научного общения и обмена мнениями, чтобы соответствовать требованиям и запросам времени. Профессор Киевского университета Г.Д. Флоринский характеризовал трудности на пути развития славяноведения следующим образом: «Результаты деятельности местных учёных мало известны в других славянских странах Сводные работы редки. Обмен мнениями обставлен трудностями.... Учёные силы славян разбединены.... Чувствуется отсутствие определённых программ в разработке предмета, замечается недостаток строго выработанных научных методов, наблюдается внесение национального субъективизма в решение научных вопросов и отстаивание взглядов и теорий, не подкреплённых современным состоянием науки. Отсюда неудивительно, что литература по славяноведению очень бедна цельными и систематическими трудами, охватывающими целые отделы науки о славянстве. Так, у нас нет сравнительной грамматики славянских языков, нет ни полной славянской диалектологии, ни сравнительно-этнографического описания славянских народов, ни полной этнографической карты славянских племён, ни общего обзора политической и культурной жизни разновидностей славянского племени. Отсутствуют славянские учёные журналы по истории, этнографии, языкознанию»²⁷. Таким образом, на основании приведённой характеристики можно сделать вывод, что в славяноведении было ещё много не только не решённых, но даже и не поставленных вопросов.

В 1899 г. на археологическом съезде в Киеве, где собралось много учёных из славянских стран, возникла идея созыва съезда славистов. Его предполагалось провести в Праге в 1901 г., но венское правительство не дало на это разрешения. Тогда инициативу созыва съезда славянских филологов и историков взяло на себя ОРЯС и приняло решение созвать такой съезд в 1903 г.²⁹

Задачей этого совещания было предварительное обсуждение основных вопросов для международного съезда славистов, который планировалось провести в 1904 г. На Предварительный съезд было решено пригласить

представителей кафедр славянской филологии, а также русского языка и литературы всех российских университетов, т.е. Петербургского, Московского, Киевского, Харьковского, Казанского, Варшавского, Новороссийского, Юрьевского и Александровского в г. Гельсингфорсе. А кроме того – всех проживающих в Петербурге славистов и других заинтересованных в устройстве съезда лиц³⁰.

Всего было приглашено 123 специалиста по славянской филологии и истории и ещё 20 приглашений было послано разным учреждениям³¹. Предварительный съезд русских славяноведов проходил с 10 по 15 апреля 1903 г. Он открылся заседанием в большом конференц-зале Академии наук. Общее руководство съездом осуществлялось организационным бюро, председательство в котором было поручено академику И.В. Ягичу. Обязанности секретаря съезда выполнял Н.В. Ястребов. Для работы участники съезда разделились на секции, а в них на подсекции. Окончательные решения по важнейшим вопросам принимались на общих заседаниях.

Проблемы, требующие совместного обсуждения на будущем международном съезде славистов, были сформулированы в 17 пунктах программы. Главные из них были включены в повестку дня Предварительного съезда. К ним относились: составление энциклопедии по славяноведению, сравнительной грамматики славянских языков, этимологического словаря славянских наречий, вопрос об издании церковно-славянского словаря и церковно-славянских памятников, о славянской библиографии, о межславянском книжном обмене, о насущных задачах славянской историографии. Кроме того были сформулированы примерные темы будущих рефератов участников съезда³².

В первый день съезда, 10 апреля 1903 г., на заседании первой секции обсуждались вопросы о времени созыва международного съезда, количестве участников, тематике заседаний и рабочих языках³³. Первый и последний вопросы вызвали горячую дискуссию, участники которой придали ей политическое звучание, чего так сторонились руководители Предварительного съезда. Дело в том, что на 1905 год планировалось открытие в Петербурге всеславянской выставки. Представитель её организационного комитета Д.А. Клеменц, проф. А.С. Будилович и В.Н. Кораблёв предложили провести съезд одновременно с выставкой. Однако уполномоченный группы польских учёных из Варшавы, славист В.Д. Спасович, возражал против совпадения сроков съезда и выставки ввиду «политического характера» последней, а также и потому, что в устройстве выставки деятельное участие принимало Петербургское Славянское благотворительное общество, «не пользующееся, как известно, симпатиями» (выражение В.Д. Спасовича). Это последнее заявление вызвало протест участников съезда – членов упомянутого общест-

ва³⁴. В результате было решено принять в качестве наиболее удобного срока конец августа – начало сентября 1904 г.

По вопросу о рабочих языках будущего съезда академик И.В. Ягич выступил с предложением допустить для докладов на пленарных заседаниях только один русский язык, а для докладов и прений в секциях – свободу выбора любого из славянских, романских или германских языков³⁵. Академик А.А. Шахматов предложил разрешить в общих собраниях съезда выступления немецких и французских учёных на их родных языках, поскольку славянские языки представляли для них определённые практические трудности, а доклады этих учёных могут иметь общий для всех делегатов интерес. Принятое постановление гласило, что языком делопроизводства съезда будет русский, а на пленарных и секционных заседаниях допускаются доклады на всех славянских языках, а также на французском, английском, немецком и итальянском. Однако такое решение вызвало протест со стороны А.С. Будиловича, который несколько позднее послал в ОРЯС письмо³⁶, где выступил против разрешения пользоваться на съезде любыми славянскими языками и «наречиями». Особенно резко отзывался он о «русско-украинском языке» галицких русинов и «Товарищества имени Шевченка», где играли главную роль такие деятели как М. Грушевский, И. Франко и др.³⁷. А.С. Будилович считал, что «русский язык» есть «искусственный русско-украинский жаргон, которым сочиняется ныне (так – Л.Л.) во Львове и Черновцах», что он создан на почве червоно-русских говоров под сильным воздействием польского языка и никак не может считаться тождественным ни с «малорусскими говорами, ни с диалектом Квитки и Шевченка». «Допущением этого жаргона, – заключает А.С. Будилович, – поддерживается сепаратизм, чему съезд не должен способствовать»³⁸. Архивные материалы показывают, что при обсуждении этого вопроса А.С. Будилович вступил в резкую полемику с А.А. Шахматовым по поводу того, что следует называть диалектом и что языком³⁹.

Приведённые примеры, на наш взгляд, показывают, что Предварительный съезд русских славистов 1903 г. явился ареной столкновений, по крайней мере, двух тенденций русской славистики, проявлявшихся в политических линиях, – консервативной, представленной А.С. Будиловичем и находившей сочувствие в правой прессе, и либеральной, признававшей и языки славянских народов, и сами эти народы равноправными. Своим либеральным большинством съезд не поддержал шовинистических выпадов и в вопросе о рабочих языках и времени созыва съезда устоял на либеральных позициях. Таким образом, на примере работы Предварительного съезда славистов следует констатировать, что среди них были люди различных политических убеждений и научных подходов, и что русское славяноведение

перед революцией 1905–1907 гг. развивалось в целом по тем же направлениям с точки зрения идеологии, что и другие отрасли общественной науки.

Второй секции съезда предстояло выработать программу, по которой должна была быть составлена и издана энциклопедия по славяноведению. Этот вопрос являлся совершенно самостоятельным и не зависел от будущего съезда. ОРЯС могло бы приступить к работе немедленно, чтобы к будущему съезду издать хотя бы один выпуск энциклопедии. Энциклопедия должна была содержать ряд очерков по отдельным отраслям славяноведения: по языку, литературе, истории, этнографии, археологии, искусству и т.д. Кроме того она должна была включать некоторые исследования в областях, соприкасающихся со славяноведением. Кроме филологии в узком смысле слова в состав энциклопедии должно было войти изложение политической истории славянских народов, межславянских политических и культурных связей, истории материальной культуры славян и славянских церквей.

Проект славянской энциклопедии, составленный ОРЯС и доложенный А.А. Шахматовым, состоял из 11 разделов: история и задачи славянской филологии, обзорное современное славянство – географическое и антропологическое, история славян, где должны были найти освещение вспомогательные исторические дисциплины – историческая география, археология, архивоведение, палеография, дипломатика, сфрагистика, генеалогия, геральдика, хронология, метрология и нумизматика славян. Далее предполагалось представить историю отдельных славянских народов – в кратких очерках политической истории, историю духовного и материального быта, права, церковного устройства и политики славянских народов с включением обзора историографии. Планировалось осветить юридические и социальные отношения и историю просвещения у славян. Особые разделы энциклопедии отводились в проекте славянским языкам, литературе, а также палеографии – кирилловской, глаголической и латинской в применении к славянской письменности⁴⁰.

Проект ОРЯС подвергся внимательному рассмотрению и всестороннему обсуждению. С этой целью члены 2-й секции съезда разделились на несколько подсекций: истории и права⁴¹, этнографии⁴², языковедения⁴³, литературы и искусства⁴⁴. Общие вопросы, связанные с созданием славянской энциклопедии, обсуждались на заседаниях всех членов 2-й секции съезда. К этим вопросам принадлежали проекты отдельных разделов энциклопедии, отличающиеся от основного, дополнения к разделам проекта ОРЯС и др.

Так, этнограф И.Н. Смирнов настаивал на том, чтобы исторический отдел был выделен в самостоятельную часть энциклопедии⁴⁵. А.Л. Погодин

указал на необходимость ввести в энциклопедию элементы литовской филологии⁴⁶. А.Н. Ясинский изложил свои замечания по вопросу исторического отдела энциклопедии⁴⁷.

Особенно оживлённые дебаты, нашедшие отражение в прессе, вызвал вопрос о языке, на котором должна издаваться славянская энциклопедия. Профессор Боннского университета Л.К. Гётц предложил издавать энциклопедию на латинском языке, поскольку русским западные учёные не владеют. Однако И.В. Ягич заметил, что Российская Академия наук никому не помешает переводить энциклопедию на западные языки. Латинский язык был отвергнут. Тогда Л.К. Гётц высказался за издание энциклопедии на немецком языке, в чём его поддержал П.Н. Милоков. Но в результате голосования секция отклонила и это предложение и утвердила русский язык в качестве языка издания. Этот вопрос попал в газеты, допустившие передержки. Так, в заметке, опубликованной в «Санкт-Петербургских ведомостях», содержалось утверждение, будто бы И.В. Ягич выступил против издания энциклопедии на русском языке, что не соответствовало действительности и оскорбляло маститого учёного⁴⁸. Заметка вызвала протест крупнейших русских учёных – А.Н. Веселовского, Н.П. Кондакова, А.Н. Пыпина, Ф.Ф. Фортунатова. В.И. Ламанского, Ф.Е. Корша, А.А. Шахматова. В своём письме в редакцию они отмечали: «Напротив, И.В. Ягич отстаивал возможность и необходимость издания энциклопедии на русском языке – против мнения лиц, предложивших избрать для энциклопедии немецкий или латинский языки»⁴⁹.

Пресса вообще нередко комментировала учёную полемику на съезде в зависимости от направления той или иной газеты. Особенно много нападок было на тех учёных, которые предлагали издавать энциклопедию на западных языках. В связи с этим профессор Л.К. Гётц сделал следующее заявление: «На заседании я выразил сердечное желание, чтобы не только славянский, но и весь западный учёный мир познакомился с состоянием славянской науки и культуры. Ввиду того, что лишь немногие из западноевропейских учёных знают русский язык, я предложил как «общеупотребительный» научный язык сперва латинский, и когда этот был отклонён собранием, как другой в учёном мире общеупотребительный язык – немецкий. Лица, знающие ближе меня и мои научные стремления о распространении верных сведений о России среди немцев, убеждены, что я не говорил как «немецкий патриот», а только как учёный в интересах славянского мира»⁵⁰.

Основательному обсуждению подвергся на съезде проект исторической части славянской энциклопедии. Оно продемонстрировало современный уровень исторической науки о славянах вообще и в России в частности. В ходе обсуждения выявился различный методологический подход отдель-

ных учёных к истории славян. Обсуждение плана исторического раздела велось на двух заседаниях подсекции истории и права. Председательствовал А.С. Лаппо-Данилевский. Он и сформулировал в своей речи при открытии заседания 12 апреля основные принципы работы. Первым из них автор считал «строгость научных приёмов исследования прошлых судеб славянства», вторым – «отыскание единства в развитии славянских народов». Этот принцип имел серьёзное методологическое значение. Если близость славянских языков не может вызывать никаких сомнений, то общность развития быта, культуры, литератур и тем более истории, очевидно, далеко ещё не предопределяется «генетическим родством».

Тезис об «общих чертах всего славянства» в XIX в. имел место, как известно, не только в идеологии русских славянофилов, но и в романтической историографии зарубежных славян. И хотя к началу XX в. многие учёные в России уже преодолели увлечение поисками «общих черт» славянства, следы прежних теорий ещё давали о себе знать. А.С. Лаппо-Данилевский заметил, что «самобытность можно понимать не только как развёртывание исконных данных свойств, но и как самостоятельность в приобретении новых свойств путём выбора образцов для подражания и в их комбинировании». Учёный предлагал исследовать «сходные черты» славянских народов, считая, что такие черты «легко узнать, например, и в семейно-задружном, общинном, вечевом быте славян и в культурном фонде, образовавшемся под влиянием византийским у болгар, сербов и русских; или у чехов, поляков, галичан... под влиянием западно-европейским». А.С. Лаппо-Данилевский считал также возможным «выяснение междуславянских отношений культурных и политических» и выражал мнение, что «подобное указание сходств в истории славянских народов ... может придать некоторое единство работе при строго научной объективности её»⁵¹.

Иные учёные сохраняли взгляды близкие к славянофильским, но с другой стороны многие участники дискуссии высказывали и прямо противоположные славянофильской концепции мнения.

Дальнейшее обсуждение исторического отдела энциклопедии сосредоточилось вокруг вопроса о научной группировке разделов. П.Н. Милюков предложил проект разделения материала по принципу «народности», а А.Н. Ясинский защищал идею группировки «по предметам», т.е. вспомогательные дисциплины, политическая история славянских народов – внешние и внутренние отношения, история права, история церкви, история материального быта и экономических отношений, история просвещения⁵². Большинство голосов был принят принцип группировки «по предметам», и А.Н. Ясинскому поручили представить проспект для дальнейшего обсуждения. Он был представлен⁵³ и вызвал на заседании 13 апреля новые споры. В ре-

зультате окончательный проспект исторического отдела славянской энциклопедии на съезде выработан не был. Историческая подсекция ходатайствовала перед ОРЯС о назначении особой комиссии по разработке программы исторической части славянской энциклопедии⁵⁴. Такая комиссия была создана под председательством академика В.И. Ламанского⁵⁵. Она выработала программу «исторической подсекции», которую ОРЯС разослало всем русским историкам-славистам с просьбой сообщить свои замечания⁵⁶. От нескольких учёных замечания были получены. Их прислали, например, такие крупные слависты как А.Н. Ясинский⁵⁷, К.Я. Грот⁵⁸, Ф.Ф. Зигель⁵⁹ и др. Эти документы имеют важное историографическое значение, поскольку свидетельствуют об уровне развития исторической мысли в области славяноведения и о различных направлениях в нем. Так, в суждениях юрьевского профессора А.Н. Ясинского и профессора славянского права Варшавского университета Ф.Ф. Зигеля обращает на себя внимание различие во взглядах обоих учёных на историю славян в целом. А.Н. Ясинский, выступая против группировки материала энциклопедии по принципу «национальности», считал, что подобная постановка равноценна отрицанию общей «славянской истории ... Если позволительно ещё думать, что славянство есть единый организм и представляет собой такой же отдельный мир, как германороманский, то должна быть и общеславянская история, всеобщая история Восточной Европы»⁶⁰. В этом суждении одного из крупнейших русских историков-славистов нельзя не ощутить отголосков старой теории славянофилов, деливших Европу на «миры» - германороманский (католический) и греко-славянский (православный). Ф.Ф. Зигель был противоположного мнения. В основу развития славянских народов он кладёт исторические условия их существования в рамках тех или иных государств и поэтому предлагает группировать исторический материал «по принципу государственному, как более определённого» сравнительно с расовым. «Сравнительно-исторические труды не только социологов, но и юристов, - пишет Ф.Ф. Зигель, - приводят к заключению, что расовый элемент играет весьма незначительную роль во всевозможных сферах эволюции, что всё зависит от той ситуации, на которой стоит умственное развитие данного общества, от той материальной и духовной среды, в которой это общество действует. Следовательно, научное сравнение не может ограничиться пределами одного славянства»⁶¹. Постановка Ф.Ф. Зигелем исторических условий над расовым происхождением имела более перспективное развитие.

Окончательный вариант исторического отдела славянской энциклопедии так и не был выработан.

По отделам лингвистики и этнографии были составлены конкретные планы, а детальная разработка проспекта по славянским литературам и искусству отложена на будущее время⁶².

Прочие пункты повестки дня съезда нашли более удовлетворительное разрешение. Так, были намечены конкретные меры по изучению памятников для словаря церковнославянского языка, определён его объём и состав⁶³.

По вопросу об издании памятников славяно-русской письменности главным докладчиком выступил лектор русского языка Варшавского университета А.В. Михайлов. Современное состояние издания памятников он определил как не удовлетворяющее требованиям науки и призвал к организации корпоративного издания памятников при Академии наук, «а памятник крупного размера готовился бы к изданию коллективом в 8 – 10 человек, которые могли бы распределить между собою труд»⁶⁴, - предложил докладчик. По решению 5-й секции съезда намечалось издание некоторых конкретных памятников, а в повестку дня съезда 1904 г. предполагалось включить вопрос о систематическом издании трудов «старинных писателей» различных славянских народов⁶⁵.

Обстоятельному обсуждению подвергся вопрос об издании славянской библиографии. К моменту открытия Предварительного съезда вышло два издания славянской библиографии: одно в Петербурге⁶⁶, другое в Праге⁶⁷. Оба издания содержали много идентичного материала. Обсуждался вопрос о координации библиографической работы, но окончательное решение было отложено до «съезда славистов в 1904 году»⁶⁸.

Вопрос о «межславянских книжных сношениях» обсуждался на 6-й секции съезда. Существующее состояние книжного обмена было признано не выполняющим общих задач славяноведения, в связи с чем выдвигались проекты улучшения этой области научных контактов⁶⁹. Было принято решение об открытии в Вене постоянного книжного агентства для русских книг и расширении деятельности славянского отдела библиотеки Академии наук в Петербурге.

Общим собранием съезда обсуждался также вопрос о состоянии славяноведения в университетах России. Отмечалось, что подготовка кадров славистов и постановка преподавания славяноведения в них архаичны. Если, например, в Венском университете было четыре профессора славяноведения, а в Пражском – три⁷⁰, то в России, даже в Петербургском и Московском университетах, работало лишь по одному штатному профессору славяноведения. Академик В.И. Ламанский предложил ходатайствовать перед министерством народного просвещения от имени съезда об увеличении числа славистических кафедр, об устройстве семинаров при кафедрах, о приобретении фотографических аппаратов для научных экспедиций⁷¹.

Петербургский профессор П.А. Лавров высказался за учреждение в университетах трёх славистических кафедр: славянского языкознания, славянских литератур и истории славянских народов. По мнению П.А. Лаврова, следовало создать во всех университетах – по образцу Варшавского - кафедру славянских законодательств. Представитель такой кафедры в Варшаве Ф.Ф. Зигель развил эту мысль, указав на то, что даже западноевропейская и американская наука заинтересовалась историей права славянских народов, на почве юридического быта которых целесообразно изучать «скрещивающиеся культурные влияния Запада и Востока». В обсуждении вопроса приняли участие многие другие профессора, и в результате было составлено ходатайство. В документе, представленном в министерство народного просвещения, говорилось: «Съезд русских филологов считает своим долгом ходатайствовать перед МНП о более прочной и всесторонней постановке славяноведения во всех русских университетах, а именно полагает необходимым: а) учредить особую ординатуру по истории и древностям славянских народов; б) дать университетам возможность располагать двумя кафедрами по славянской филологии, имея в виду две группы: языка и литературы; в) восстановить на юридических факультетах ординатуру по истории славянских законодательств⁷²; г) дать возможность историко-филологическим факультетам иметь от 2 до 4 лекторов по живым славянским наречиям»⁷³. Это ходатайство и было послано в министерство, но осталось без ответа⁷⁴, как и прежние попытки изменить порядок преподавания славяноведения в университетах.

Работа Предварительного съезда русских славистов в 1903 г. в целом была плодотворной. Были обсуждены многие важные вопросы славяноведения в целом и его состояния в России, выявлены недостатки в науке о славянах и предложены пути их исправления. Предварительный съезд русских филологов показал также объединяющую роль ОРЯС РАН в деле организации славистических исследований и укрепления связей с представителями славяноведения в Европе. Однако перспективные планы, которые предполагалось обсудить на международном славистическом съезде в 1904 г., реализованы не были. Съезд 1904 г., как уже отмечалось, не состоялся в виду начавшейся русско-японской войны, а последовавшие за ней политические события сделали его проведение невозможным.

Примечания

1. Санкт-Петербургские ведомости. Апрель. 1903. №№ 97–102 и др.
2. Новое время. Апрель. 1903. №№ 9733–9738 и др.
3. Биржевые ведомости. 16(29) апреля, 24 апреля (7 мая), 26 апреля (9 мая), 11(24) мая, 13(26) мая, 14(27) мая, 15(28) мая 1903 г.

4. Южное обозрение (Одесса). 12, 14, 15, 19 апреля 1903 г.
5. Бессарабец (Кишинёв). 16(29).4, 18.4(1.5), 21.4(4.5), 22.4(5.5) 1903 г.
6. Allgemeine Zeitung. 16.5.1903. № 2. 110.; Kölnische Zeitung. 1.5.1903. № 2. 372.
7. Славянский век. 1900, № 2; 1901, № 18, 20; 1902, № 56; 1903, № 63, 64, 69, 70; 1904, № 74.
8. Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (далее - ИС-СБО). 1902/1903, № 8; 1902, № 1, 2; 1903, № 2, 3, 8; 1904, № 4, 6.
9. Киевская старина. 1903. Июнь. Т. 81.
10. Литературный вестник. 1903. Кн. 3. С. 418-419.
11. Русский филологический вестник (Варшава). 1904. Т. 52. Кн. 3-4. С. 272-293.
12. Русская мысль. 1903. Кн. 6. С. 201-208.
13. Русский вестник. 1903. Кн. 5. С. 334-344.
14. Вестник Европы. 1903. Кн. 3. С. 328-343.
15. Яворский Ю. Съезд русских славяноведов в Петербурге // Славянский век. 1903. Вып. 64. 1(14) мая. С. 487-490.
16. ИССБО. 1903. № 8(май). С. 32-39.
17. Свирская В.Р. Из истории славянских научных связей. Первый съезд русских славистов // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 11-12. С. 85-88; она же. Из истории славянских научных связей // Учёные записки Института славяноведения АН СССР. 1948. Т. I. С. 358-364.
18. Свирская В.Р. Российская Академия наук в борьбе за равноправие украинского языка // Мовознавство. 1949. Т. 7. С. 60-71.
19. Горяинов А.Н. Из истории русской славяноведческой библиографии второй половины XIX-начала XX веков // Труды Гос. библиотеки им. В.И.Ленина. 1963. Т. 7. С. 167-168; он же. Русско-чешские связи в начале XX века // Там же. 1966. Т. 9. С. 174-177.
20. Лаптева Л.П. Съезд русских славистов 1903 г. // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М, 1981. С. 261-279.
21. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX вв. М., 2012. С. 17-32.
22. Предварительный съезд русских филологов (10-15 апреля 1903 г.). Бюллетени. СПб., 1903.
23. Из новейшей литературы об этом см.: Россия и славянский мир на Этнографической выставке 1867 г. СПб., 2009.
24. Нидерле Любор (1865–1944) – крупнейший чешский учёный. Занимался изучением древних славян, доисторической археологией и антропологией. Изучал материалы о древних славянах в Москве и Киеве. Иностраннный член РАН и других академий. В 1898–1902 гг. издавал журнал «Věstník slovanské filologie a starožitnosti».
25. Мурко Матия (1861–1952). Словенец. Ученик Ф. Миклошича в области филологии. В 1887–1889 гг. стажировался в России у А.Н. Пыпина и А.Н. Веселовского. Исследовал преимущественно славянскую литературу и народную словесность. Был представителем сравнительной русской школы исследования литературы. С 1920 г. - профессор языка и литературы южных славян Пражского университета. Один из основателей журнала «Slavia».
26. Цит. по: Свирская В.Р. Из истории славянских научных связей. Первый съезд русских славистов // Научный бюллетень Ленинградского Государственного ордена Ленина Университета. 1946. № 11-12. С. 86.
27. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее - НИОР РГБ). Ф. 40. Картон 20. Предварительный съезд русских филологов (10-15 апреля 1903 г.). Бюллетень № 1. Общее собрание 10 апреля. Речь Т.Д. Флоринского.
28. Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее - ПФА РАН). Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 798. Л. 1-2.- Докладная записка в ОРЯС ПАН члена-корреспондента ПАН, профессора Киевского университета св. Владимира Т.Д. Флоринского от 14.9. 1902 г.
29. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 798. Л. 5 – Протокол заседания ОРЯС от 21 сентября 1902 г.
30. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 798. Переписка по этому поводу на лл. 15, 17, 19, 22, 26 и др.
31. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 820. Л. 50-57. Список лиц и учреждений, приглашённых на заседание Предварительного съезда.
32. ПФА РАН. Ф. 134 (А. Шахматов). Оп. 1. Ед. хр. 237 – программа съезда.

33. См. Бюллетень № 2. Заседание 1 секции 10 апреля, 7 ½ часов вечера. Бюллетень № 4. 2-е заседание – 12 апреля.
34. Бюллетень № 4. Протест подписали: Гейсман, Ив. Пальмов, П. Драгоманов, М. Соколов, К. Грот, Т. Флоринский, А. Степович, И. Филевин, Платонов. Текст протеста опубликован также в газете «Санкт-Петербургские ведомости» 15(28) апреля 1903 г. (Заметка «Съезд славистов»).
35. Бюллетень № 2.
36. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 798. Л. 71 - Письмо А.С. Будиловича в ОРЯС от 25.4.1903 г.
37. Там же. Л. 162.
38. См. цитированное выше письмо от 25.4.1903 г.
39. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 798. Л. 162-173 – Ответ А.С. Будиловича на отношение в ОРЯС от 5.5.1903 г. (ответ датирован 24.5.1903 г.).
40. Бюллетень № 3. Приложение.
41. Бюллетень № 6, первое заседание; № 13, второе заседание.
42. Бюллетень № 7.
43. Бюллетень № 10.
44. Бюллетень № 11.
45. Бюллетень № 3.
46. Там же.
47. Там же.
48. Санкт-Петербургские Ведомости. 13(26) апреля 1903 г. № 98. «Заметки».
49. Санкт-Петербургские Ведомости. 15(28) апреля 1903 г. № 100. Письмо в редакцию.
50. Санкт-Петербургские Ведомости. 17(30) апреля 1903 г. № 102. Письмо в редакцию.
51. Бюллетень № 6, первое заседание подсекции истории, 12 апреля 1903 г.
52. Там же.
53. Бюллетень № 13, 2-е заседание подсекции истории 13.4.1903. В приложении к Бюллетеню см.: Пробный проект исторического отдела общеславянской энциклопедии, составленный применительно к основаниям, принятым гг. членами исторической секции, в заседании 12 апреля 1903 г. (составитель – проф. А.Н.Ясинский).
54. Бюллетень № 15. Общее собрание. 15.4. Выступление А.С. Лаппо-Данилевского.
55. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 820 – выписка из протокола заседания ОРЯС от 3.5. 1903 г., отправленная В.И. Ламанскому 27.9. того же года.
56. Указанная выписка из протокола, пункт 1.
57. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 820. Л. 93-95.
58. Там же. Л. 2-5.
59. Там же. Л. 82-84 (первый лист не сохранился).
60. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 820. Л. 95.
61. Там же. Л. 84 об.
62. Бюллетень № 15. Общее собрание 15 апреля. Выступление П.А. Лаврова.
63. Бюллетень № 8. Заседание секции о церковно-славянском словаре 12 апреля.
64. Бюллетень № 9. Приложение «К вопросу об издании памятников славяно-русской письменности». Доклад А.В. Михайлова.
65. Бюллетень № 9. Заседание 5 секции 14 апреля.
66. Славяноведение в повременных изданиях за 1900 г. СПб, 1901.
67. Věstník slovanské filologie a starožitností. Praha, 1901.
68. Бюллетень № 12. Заседание 4 секции 13 апреля.
69. Бюллетень № 14. Соединённое заседание III общего собрания и 6 секции 14 апреля.
70. Бюллетень № 5. Общее собрание 12 апреля.
71. Там же.
72. По университетскому уставу 1863 г. кафедра славянских законодательств учреждалась во всех университетах, но была занята только в Варшавском. Поскольку в других университетах эта кафедра оставалась вакантной, она была упразднена уставом 1884 г.

73. Российский Государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 151. Д. 609. Л. 2. См. также: Бюллетень № 5. Второе общее собрание Предварительного съезда русских филологов 12 апреля 1903 г.

74. В министерстве народного просвещения ходатайство было получено и сдано в архив. Текст его с сопроводительным письмом ОРЯС за подписью академика А.Н. Пыпина был обнаружен автором этих строк в РГИА (Ф. 733).